УДК 323.26

СУБЪЕКТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСКОЛА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ НА II СЪЕЗДЕ РСДРП

© Т.А. Соколовская[1]
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Рассматриваются процессы внутриполитической борьбы в рядах Российской социал-демократической рабочей партии. Дается характеристика политических взглядов главных участников и определяется роль лидеров в процессе фракционного размежевания. Особо выделяется тактика В.И. Ленина, направленная на раскол партии, акцентируется внимание на психологических, морально-этических аспектах партийного конфликта. Принципиальные основания для раскола на II съезде РСДРП не осознавались меньшевиками в полной мере, они наметились только в самом общем виде и сконцентрировались на тех пунктах, которые оговаривали взаимоотношения партийных центров, способы их пополнения.

Ключевые слова: внутриполитическая борьба в РСДРП; тактика В.И. Ленина; раскол партии; возникновение фракции; революционное движение конца 1880-х годов; неофициальные заседания русской организации «Искры»; психологические, морально-этические аспекты партийного конфликта.

SUBJECTIVE AND PSYCHOLOGICAL BACKGROUND FOR RUSSIAN SOCIAL DEMOCRACY SPLIT AT THE II CONGRESS OF THE RSDLP

T.A. Sokolovskaya
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

The article treats the processes of internal political struggle in the ranks of the Russian Social-Democratic Labor Party (RSDLP). It characterizes political views of the main participants and determines the role of leaders in fraction separation. The emphasis is on the tactics of V.I. Lenin aimed at the party split; attention is also paid to psychological, moral and ethical aspects of the party conflict. Mensheviks did not completely realize the principal reasons for the split at the II Congress of the RSDLP since they were pronounced in the most general terms and mostly concerned the provisions specifying the relationships of party centers and methods of their completions.

Keywords: internal political struggle in the RSDLP; V.I. Lenin’s tactics; party split; origin of a fraction; revolutionary movement of the late 1880s; informal meetings of the Russian “Iskra” organization; psychological, moral and ethical aspects of party conflict.

II съезд РСДРП, ожидавшийся как триумф объединительных усилий искровского направления в социал-демократическом движении, положил начало жесточайшей внутрипартийной борьбе, завершившейся расколом партийной элиты на две враждующие фракции в пределах формально единой партии. Для массы партийных работников фракционное размежевание явилось неожиданным результатом работы съезда. О.А. Ерманский, член Организационного комитета (ОК) по созыву съезда, писал о расколе: «Факт был разительный: твердая, как скала, сплоченная искровская организация неожиданно распалась и именно в такой момент, когда она одержала полную победу над всеми своими партийными противниками и ей, казалось, только и оставалось, что реализовать плоды своей победы» [3, с. 68]. Делегат съезда от Московского комитета Л.С. Цейтлин признавался, что раскол его ошеломил. Меньшевистские агенты с мест сообщали, что известие о расколе производит «ужасный эффект», «удручающее впечатление» [15].

Раскол оказался не только неожиданным событием партийной жизни, но, как свидетельствуют источники, в течение продолжительного времени оставались невыясненными причины его происхождения. Спустя многие месяцы после съезда на уровне партийной периферии существовали самые разнообразные интерпретации сущности разногласий, повлекших за собой раскол. В этом смысле утверждение П. Гарви отражало характерную ситуацию в партии. После революции он писал: «Ни на самом съезде, ни много месяцев спустя после раскола партии на большевиков и меньшевиков, никто не отдавал себе ясного отчета в глубине и бесповоротности раскола…» [15, с. 11].

Существование указанного факта не означало, что возникшие фракции не предприняли усилий для ознакомления партийной периферии с содержанием разногласий и причинами их возникновения. Напротив, вскоре после съезда в Россию с целью объезда комитетов были направлены эмиссары фракций. Со стороны меньшинства в числе первых поехали Л.Н. Радченко, Р.С. Гальберштадт, А.А. Шнеерсон. Кроме того, получила хождение разнообразная фракционная литература, освещающая начало внутрипартийной борьбы. Меньшевики распространили три ра-

[1]Соколовская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Института искусств и социально-гуманитарных наук, тел.: 89501370921, (3952) 412678.
Sokolovskaya Tatiana, Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Institute of Arts, Social Sciences and Humanities, tel.: 89501370921, (3952) 412678.

боты, в которых содержались первые попытки объяснения причин раскола. По мере развития фракционного противостояния и дифференциации социал-демократии по двум направлениям объем литературы, отражающей эти процессы, многократно возрос. Отметим, что именно эта литература служит основным объективным источником для всех попыток исторической реконструкции обстоятельств и сущности внутрипартийного размежевания. Исходным материалом, опираясь на который можно воссоздать развитие конфликта, принявшего общепартийный характер, являются, в первую очередь, протоколы II съезда РСДРП [11, 13, 14]. Но, к сожалению, и эти материалы далеко не полные. Разногласия, которые фиксировались протоколами, накапливались постепенно, во время частных разговоров и попыток прийти к соглашению, они долго оставались неясными для делегатов съезда. Под этим углом зрения большое значение имели неофициальные заседания организации «Искры», которые носили приватный характер и документально не оформлялись. Между тем В.И. Ленин считал эти заседания, особенно последнее, чрезвычайно важными с точки зрения последующих событий. Именно на них окончательно сформировался раскол внутри искровцев при обсуждении вопроса о составе ЦК.

С большей объективностью реконструировать причины конфликта и позиции в нем сторон позволяют протоколы II съезда «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» [12], комментирующие сюжеты съездовской борьбы, а также воспоминания участников съезда [2]. Так, В.П. Махновец (В. Акимов), делегат от «Союза русских социал-демократов за границей», главный оппонент искровцев, считал, что первым эпизодом разгоревшейся впоследствии фракционной борьбы, приведшей к расколу на «большинство» и «меньшинство», стала борьба из-за приглашения на съезд Д.Б. Гольдендаха (Н. Рязанова), одного из организаторов группы «Борьба» [9]. Аналогичную оценку этому эпизоду дал В.И. Ленин [10]. Ю.О. Мартов также считал, что инцидент с ОК разделил искровцев: различная оценка политического смысла происшедшего столкновения – различные позиции двух частей организации [6, с. 7].

Ввиду важности сюжета с ОК остановимся на нем подробно. Как известно, ОК был образован в марте 1902 г. на Белостокской конференции. В его задачу входила подготовка II съезда РСДРП. Состав членов ОК на протяжении существования менялся несколько раз вследствие провалов. В феврале–марте 1903 г. на орловском совещании ОК утвердил устав съезда, в соответствии с которым было установлено, что в России имеется 20 социал-демократических организаций. На этом совещании был отрицательно решен вопрос о представительстве на II съезде РСДРП группы «Борьба» по причине того, что она мало работала и не представляла никакого особого течения в социал-демократии. Заметим, ОК отверг ходатайство членов «Борьбы» не по принципиальным соображениям (особые течения и их представительство на съезде), а просто как факт.

Группа решением ОК не была удовлетворена и обратилась с письмом к самому съезду, чтобы он дал ей возможность принять участие «в выработке программы и организации партии». Комиссия по проверке мандатов и определению состава съезда также отказала «Борьбе» в представительстве на съезде на том основании, что группа не пользовалась влиянием среди социал-демократических организаций России.

Вопрос был внезапно перерешен на втором заседании съезда во время объявленного перерыва после совещания членов ОК. В послеобеденном заседании ОК известил съезд о своем новом решении пригласить Н. Рязанова с совещательным голосом. При этом некоторые искровцы, в частности Л.Г. Дейч, Е.М. Александрова (Штейн) поддержали это решение ОК, что вызвало бурное негодование у Ленина. А.С. Мартынов вспоминал, что речь Ленина по поводу инцидента с ОК произвела на него сильное впечатление. В протоколах съезда она теряется, на самом деле эта речь резко выделялась из всех речей искровцев. По свидетельству А.С. Мартынова, Ленин не говорил, гремел. Это вызвало у делегата от «Союза русских социал-демократов за границей» недоумение: «По мелкому, как мне казалось, вопросу дисциплины он выступил с бешеной обвинительной речью против тех, кто “осмеливается нарушать высшие суверенные права съезда”» [7]. Обвинительный пафос речи Ленина и решительный протест против приглашения Н. Рязанова на съезд становится понятным, если допустить, что он определялся принципиальными соображениями, а именно тем, что группа «Борьба» придерживалась иных тактических принципов и не разделяла организационную концепцию «Искры». Присутствие на съезде ее представителя усиливало правое его крыло, что было не в интересах Ленина. Энергично протестовал против приглашения Рязанова и Мартов, будучи против предоставления привилегии маленьким эмигрантским кружкам.

Особенно возмутило В.И. Ленина поведение члена ОК Е.М. Александровой, которая в момент принятия решения комиссией по проверке мандатов выступила против приглашения представителя «Борьбы» на съезд, а затем изменила свою позицию. Это именно по ее адресу в речи Ленина говорится: «Какую бурю негодования всегда вызывало такое явление, когда люди в комиссиях говорят одно, а на съезде – другое» [7, С. 58].

Поведение Е.М. Александровой разбиралось на четырех заседаниях организации «Искры». Ленин решительно настаивал на том, чтобы со стороны организации было выражено политическое недоверие ее члену. Другие участники разбирательства предлагали назначить «комиссию расследования причин странного поведения N» (Александровой – *прим. автора*). На четвертом заседании в связи с «делом» члена ОК выдвинулся вопрос о составе ЦК. Против кандидатуры Александровой, учитывая все происшедшее, из 16 членов искровской организации высказались 9 человек, «за» – 4, трое воздержались. Таким образом, в среде искровцев почти с первых заседаний съезда появился призрак политического недоверия со стороны центрального ядра группы к другим ее членам,

имеющим позицию, отличную от позиции большинства.

Надо полагать, что этот эпизод вряд ли заслуживал такого пристального внимания, а поступок Александровой – недоверия. А.Е. Александрова находилась в революционном движении с конца 1880-х гг., была членом организации «Народная воля», затем социал-демократкой, работала в качестве искровского агента в Екатеринославе, входила в состав ОК по созыву съезда, в марте 1903 г. возглавила бюро ОК в Киеве. Казалось бы, такую репутацию революционерки не должен был разрушить один, пусть даже неверный поступок. Но уже в начале работы II съезда с достаточной очевидностью обнаружилась ленинская тактика подавления инакомыслящих, которая позже Мартовым будет названа политикой «осадного положения». Л.Д. Троцкий проводил идею преемственности поведения Ленина на съезде с организационной тактикой «Искры» в целом: «Это злостная и нравственно-отвратительная подозрительность Ленина, плоская карикатура трагической нетерпимости якобинизма является, это надо признать, наследием и вместе вырождением старой “искровской тактики”» [17, с. 98].

Идейную и организационную деятельность членов «Искры» с самого начала отличала абсолютная бескомпромиссность, нетерпимость, уверенность в собственной непогрешимости и в том, что только она является истинной выразительницей революционного социал-демократизма. Нетерпимость искровцев по отношению как к политическим противникам, так и к тем, кто в целом разделял принципы социал-демократической доктрины, но имел отличные от искровских представления о тактике и организации, содержала в себе потенциальную возможность расколов. Она способствовала возникновению оппозиционных течений, была чревата дезорганизацией движения вследствие раздробленности и без того достаточно немногочисленных революционных сил. Многие участники революционного движения обращали внимание на указанные особенности в деятельности «Искры». Так, А.С. Мартынов сравнивал ее с правоверной церковью, считал, что «у этой группы понятие об организации заимствовано не из практики современной воинствующей демократии, а из практики средневековой воинствующей церкви» [8, с. 24]. Негативные оценки «Искры», прозвучавшие в выступлениях делегатов II съезда (Брукер, Либера, Акимова), в письме Воронежского комитета II съезду РСДРП, вполне укладываются в этот контекст [2].

Однако надо учитывать, что идейная нетерпимость искровцев с самого начала в значительной степени определялась логикой борьбы внутри социал-демократического движения. Борьба против различных течений не предполагала поиска компромисса, она была направлена на утверждение доминирующего положения искровского кружка над другими, что усиливало централистические тенденции в организации, а также предъявляла особые требования к соблюдению дисциплины и единства действий. Сложившиеся стереотипы идейной деятельности и организационной практики, безусловно, повлияли на работу II съезда РСДРП, в частности, они ярко проявились вокруг конфликта с ОК.

Инцидент с ОК не был исчерпан осуждением поведения Александровой, которое Ленин расценил как опасный симптом идейной неустойчивости. Возникший конфликт породил у него недоверие к членам искровской организации. Тех искровцев, которые высказались за приглашение Рязанова, в своей речи на съезде Лиги он назвал «ненадежными». Более того, этот эпизод дал ему основание для разделения искровцев на «стыдящихся даже называть себя искровцами» и «борющихся с “Искрой”» [12].

Пассаж Ленина о «ненадежных» искровцах, которые принесли «Искре» много вреда, вызывает немалое удивление. В.И. Ленин восклицает: «Если бы они еще боролись с нею прямо, открыто... Но нет, они действуют исподтишка, из-за угла, незаметно, тайно» [5]. Следует заметить, что доклад Ленина на лиговском съезде продемонстрировал крайнюю степень подозрительности и недоверчивости руководителя организации к ее членам. Выражением этого недоверия явился термин «quasi-искровские элементы», который Ленин использовал для обозначения тех, кто высказывал какие-либо оттенки мнений.

В одном ряду с конфликтом вокруг ОК стоит эпизод с «равноправием языков». Повод для столкновения был ничтожный, тем не менее, на съезде развернулась борьба за формулировку программного требования равенства и равноправия языков. Вопрос пришлось сдать в комиссию, поскольку на заседании приемлемая формулировка не была найдена. Во время дебатов съезд разделился почти на две равные половины, пять искровцев – Л.Г. Дейч, М.С. Зборовский, М.С. Макадзюб, В.Н. Крохмаль, Л.Д. Троцкий, имевшие вкупе 8 голосов, – голосовали вместе с бундовцами и рабочедельцами. В итоге вопрос о равноправии языков был решен единогласно, но факт разделения искровцев при первоначальном голосовании вопроса Ленин расценил со свойственной ему прямолинейностью: «Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма». В дебатах и голосовании Ленин увидел симптом того, что в самой политической группировке съезда есть противоречие, есть все залоги конфликта, есть внутренняя неоднородность, которая с имманентной силой прорывается при каждом, даже незначительном поводе.

Сюжеты с ОК, вопрос о равноправии языков и другие, о которых Ленин упоминает в своем докладе на съезде Лиги, дают материал для характеристики специфического представления о партии и партийной дисциплине лидера искровцев. Эти представления охарактеризовала В.И. Засулич: в поведении Ленина она увидела стремление любыми средствами обеспечить единогласие в партии и партийных коллегиях. С ее точки зрения, В.И. Ленин неоправданно большое значение придавал несовпадению взглядов членов искровской организации в ходе обсуждения различных вопросов. В его стремлении подавлять оттенки мнений, избавляться от инакомыслящих она увидела

опасность постоянных разрывов. Действительно, указанные сюжеты дают основание говорить об ориентации Ленина на достижение в партии абсолютного единства, на создание идейно-однородной организации, подчиненной властному центру, в которой нет места инакомыслию. Согласно представлению Ленина, партия не должна быть суммой разных течений, она должна быть «одним компактным и компактнейшим 90% большинством». Для сравнения можно вспомнить отношение к этому вопросу Ю.О. Мартова, который допускал возможность свободных группировок, определяемых убеждениями и требованиями совести в пределах единой партии.

Бескомпромиссная позиция В.И. Ленина на съезде, обусловленная, с одной стороны, его представлениями о единогласии членов партии, с другой – связанная с особенностями его характера и воли, спровоцировала раскол в искровской группе делегатов. После съезда Ленин в письме А.Н. Потресову признавал свою вину за раскол. Он писал: «Я перебираю все события и впечатления съезда, я сознаю, что часто поступал и действовал в страшном раздражении, "бешено", я охотно готов признать перед кем угодно свою вину..» [10, с. 38]. Признание вины в данном случае не ставило под сомнение правомочность результатов, достигнутых «посредством бешеной борьбы». Л.Д. Троцкий, анализируя развитие борьбы на съезде, акцентировал внимание на вопросе о составе ЦК и способах его назначения. Этот вопрос он оценивал как исходный пункт раскола и утверждал, что именно вокруг него возник ряд разногласий о взаимоотношениях партийных центров. Как видно, различие этих двух точек зрения на раскол сводится к вопросу о том, что явилось главной причиной конфликта: состав ЦК или несогласие с пунктами устава, оговаривающими механизм функционирования руководящих органов.

Для выяснения причин раскола искровской верхушки большое значение имеет вопрос о том, когда и как он произошел, что имеет известную сложность, поскольку размежевание между «твердыми» и «мягкими» искровцами носило скрытый и постепенный характер. Ю.О. Мартов датировал начало раскола 26-м заседанием съезда (взаимная кооптация в центральные партийные учреждения), завершение раскола – 28-м заседанием (обсуждение принципов организации центров), подчеркивая тем самым принципиальную сторону оппозиции Ленину.

В.И. Ленин датировал раскол 23-м заседанием съезда. Более того, он утверждал, что сам явился инициатором борьбы со сторонниками Мартова. Это важное заявление для выяснения причин и характера раскола. После съезда Ленин так объяснял мотивы борьбы с меньшинством: «Будучи побежден на вопросе о параграфе первом устава, я не мог не стремиться, с одной стороны, к строго искровскому ЦК, с другой – к редакционной тройке» [10]. На съезде Лиги этот сюжет в докладе Ленина прозвучал более эмоционально: «После того как параграф первый Устава был испорчен, мы должны были связать разбитую посуду как можно туже, двойным узлом. У нас естественно явилось опасение, что нас подсидят, подведут» [5]. «Двойным узлом», по представлению Ленина, могли стать пункты устава (взаимная единогласная кооптация центров) и выборы определенного состава ЦК. Вокруг этих вопросов и разгорелась самая горячая борьба, которая и привела к расколу.

К слову сказать, в качестве редакторов «Искры» меньшевики вернулись к оценке разногласий, возникших при обсуждении формулировки членства в партии. Здесь они не отрицали, что споры на 23-м заседании положили начало борьбе и разделению. При этом небезосновательно утверждали, что расхождение произошло не из-за различий в понимании содержания параграфа, а из-за результатов разрешения съездом этого вопроса в пользу Мартова и Аксельрода.

После 23-го заседания съезда состоялось последнее, четвертое заседание организации «Искры» («собрание 16-ти»), где окончательно выяснился вопрос о персональном составе ЦК, по поводу которого искровцы не смогли прийти к соглашению. Стремление Ленина провести в центры только «твердых» искровцев, оттеснить от воздействия на партию «мягких» искровцев, вызвало к нему недоверие со стороны меньшинства. Списки, предложенные к рассмотрению на этом заседании со стороны меньшинства и большинства, ни одна из сторон не приняла. Попытка составить примирительный список не удалась.

После собрания 16-ти искровцы «мягкой» и «твердой» линии собираются отдельно. После этого собрания меньшевики (Мартов, Троцкий, Дейч и др.) выступили против пункта о кооптации, поскольку увидели в нем стремление Ленина обеспечить победу одному из складывающихся направлений. После 23-го заседания съезда и 4-го заседания искровской организации в кулуарах съезда начинается бурная агитация за состав ЦК, распространяются списки кандидатов. Методы, которые при этом использовались, способствовали обострению конфликта. Уместно в этой связи вспомнить «дело Гусева».

Перед голосованием по составу ЦК сторонники Ленина использовали в предвыборной агитации список кандидатов, который якобы исходил от имени меньшинства организации «Искры». Автором этого документа назывался Л.Г. Дейч. Список включал фамилии наиболее непопулярных делегатов и в то же время должен был дискредитировать его составителей в глазах участников съезда. Распространением этого документа занимался С.И. Гусев (Драбкин). Узнав о существовании списка, Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов потребовали своего участия в заседании 24-х «твердых», чтобы выяснить вопрос о его происхождении. В.И. Ленин и Г.В. Плеханов сочли это лишним. У меньшинства сложилось представление, что другая сторона использует нечистые приемы.

Таким образом, есть основания считать, что ленинская трактовка возникновения раскола более соответствует реальным событиям. Раскол с достаточной очевидностью обозначился после 23-го заседания при определении личного состава ЦК. Последующая борьба вокруг пунктов устава явилась выражением того, что Ленин и его группа стремились к официаль-

ному закреплению «твердого» курса, а Мартов и его группа пытались противодействовать официальному утверждению власти узкого круга лиц, организационно приближенных к редакции, из которой Ленин постарался устранить тех, кто проявил с ним несолидарность по каким-либо вопросам.

В послесъездовской литературе меньшевики при анализе причин раскола особенно настойчиво подчеркивали принципиальную сторону своей борьбы. Вопрос о выборах в этом контексте приобретал первостепенное значение, потому что в нем «суммировалась и, так сказать, персонифицировалась борьба между тактикой нормального конституционного уклада и тактикой осадного положения, закрепленного диктатурой» [12].

Принципиальный характер борьбы меньшинства на съезде нельзя отрицать, но не стоит и преувеличивать масштабы ее осознания именно в принципиальном смысле. На наш взгляд, принципиальные основания для раскола на съезде не осознавались меньшевиками в полной мере, они наметились только в самом общем виде и сконцентрировались на тех пунктах, которые оговаривали взаимоотношения партийных центров, способы их пополнения и т.д. Примечательно, что в прениях по уставу между большинством и меньшинством совершенно не возник вопрос о статусе местных комитетов, их правах, о пределах компетенции ЦК в отношении к местным организациям. Замечание делегата Бунда В.Д. Медема (Гольдблат) о том, что в уставе ярко проявляется тенденция отождествить партию с центром не вызвала должного внимания у искровцев. Выступление Л.П. Махновец (Брукер), делегата Петербургской рабочей организации, в котором она выразила несогласие со всем духом устава, акцентировала внимание на правах партийной периферии, не получило поддержки у меньшинства. Таким образом, меньшевики не поддержали оппонентов ультрацентралистической концепции партии, хотя спустя некоторое время критика централизма войдет в основной арсенал идейно-теоретической деятельности меньшевиков.

Исключительное внимание меньшинства на съезде к проблеме конституирования властных структур в ущерб проблемам общего функционирования партийной организации говорит о том, что в центре борьбы между большевиками и меньшевиками оказался «кадровый вопрос». Если говорить о способах его решения, то преобладающее значение для меньшевиков имели не столько пункты устава сами по себе, сколько методы, какими Ленин стремился обеспечить твердое «искровское министерство». Анализ раскола под таким углом зрения дает основание утверждать, что в расколе искровского ядра большую роль сыграли причины, носившие субъективно-психологический характер. На это указывал член ЦК Л.Е. Гальперин, который в качестве основной причины раскола назвал «интриги со стороны некоторых лиц» (вероятно, имеется в виду «дело Гусева» – *прим. автора*) и «бешеную прямолинейность» Ленина [12]. Л.Д. Троцкий считал, что на съезде Ленин со свойственной ему энергией и талантом сыграл роль партийного дезорганизатора.

Аргументом в пользу того, что в основе конфликта лежали субъективно-психологические причины, является характер докладов Ленина и Мартова на II съезде «Заграничной лиги». Лидеры группировок не обосновывали принципиальных разногласий, различий политических позиций, а выясняли ошибки друг друга. Впечатление от доклада В.И. Ленина высказал Л.Д. Троцкий, который считал, что Ленин «похоронил в своем докладе принципиальный базис спора» [12]. В свою очередь, впечатление о докладе Ю.О. Мартова высказал В.В. Воровский: «Это был сплошной вопль наболевшей души» [1, с. 9]. Собственно, поэтому и дебаты по докладам оказались невозможными.

Показательно, что после II съезда РСДРП были прекращены всякие личные отношения между многими партийными работниками. Ленин «проболел после съезда несколько недель нервной болезнью» [16].

В настоящее время исследователи все больше акцентируют внимание на психологических, морально-этических аспектах партийного конфликта [4, 18]. И это правильно, поскольку только учет всех сторон явления дает возможность его правильной оценки. При этом важно найти верное соотношение объективных и субъективных причин раскола. В.П. Махновец (Акимов) был, безусловно, прав, когда писал, что борьба между редакторами не сводится только к борьбе личных самолюбий, борьба между искровцами «могла возникнуть только потому, что уже чувствовалось или предчувствовалось глубокое принципиальное разногласие в рядах дотоле казавшегося однородного течения» [9].

Статья поступила 19.10.2015 г.

Библиографический список

1. Воровский В.В. Комментарий к протоколам II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии. Женева, 1904.
2. Воспоминания о II съезде РСДРП. Антология. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959.
3. Ерманский О.А. Из пережитого. М.; Л., 1927.
4. Козлова Е.С. Кризис РСДРП 1903–1904 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.01. СПб., 1992.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967–1975. Т. 46.
6. Мартов Л. Борьба с «осадным положением» в РСДРП (ответ на письмо Н. Ленина). Женева, 1904.
7. Мартынов А.С. Воспоминания из эпохи II съезда РСДРП. М., 1934;
8. Мартынов А.С. Два съезда. Женева: Изд-во «Союз русских социал-демократов», 1901. 35 с.
9. Махновец (Акимов) В.П. К истории II съезда РСДРП // Минувшие годы. 1908. № 7.
10. Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг.: в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1.
11. Протоколы Второго съезда РСДРП. Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1924. 418 с.

12. Протоколы Второго съезда Заграничной лиги и «комментарий» к ним / ред. М.Д. Орахелашвили. М.: Партийное издательство, 1934.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 278. Оп. 1. Д. 136.
14. РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Д. 74.
15. Социалистический вестник. 1925. № 15–16.
16. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М.: Книга, 1990. (репр. воспр. издания 1930, Берлин). Т. 1.
17. Троцкий Л.Д. Наши политические задачи. Женева, 1904.
18. Тютюкин С.В. Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция (1905 – февраль 1917 г.): монография. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 240 с.

УДК 94(470+571)

ИЗУЧЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО ПЕРИОДА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.С. МАНАССЕИНА

© Е.Ш. Соломон[1]
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Разработаны подходы к объяснению 24-летнего перерыва между изданными статьями историка, библиотековеда, библиографа Владимира Сергеевича Манассеина. Перерыв не отразился на профессиональном уровне его научных работ. Содержание документов архива, конфискованного при аресте В.С. Манассеина в 1937 г., остается неизвестным; исследуются причины его конфискации. Большое внимание уделяется референтным кругам общения В.С. Манассеина в Иркутске, Казани, Гродно. Так, биография и интересы ректора ИГУ Н.Д. Бушмакина, бывшего профессора Казанского университета, объясняют темы ряда иркутских статей его земляка и коллеги В.С. Манассеина, поднимают вопрос о казанском землячестве в Иркутском госуниверситете в 1920-е годы.
Ключевые слова: краевед; родственные связи; памятники старины; референтные круги общения; крестьянский вопрос; научная библиотека; образование.

STUDY OF THE UNKNOWN PERIOD OF V.S. MANASSEIN'S SCIENTIFIC ACTIVITIES

E.Sh. Solomon
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

The author develops approaches to the explanation of 24-year interruption between the publishing of articles by a historian, library scientist and bibliographer V.S. Manassein. This interruption had no effect on the professional level of his scientific works. The contents of the archive documents confiscated in 1937 when V.S. Manassein was arrested remains unknown. The reasons of archive confiscation are investigated. Great attention is paid to V.S. Manassein's reference social circle in Irkutsk, Kazan and Grodno. For example, the biography and interests of N.D. Bushmakin who was the Rector of Irkutsk state university (ISU) and former Professor of the Kazan university explain the topics of a number of Irkutsk articles of his fellow countryman and a colleague V.S. Manassein, who raised the question about the Kazan community in ISU in 1920ies.
Keywords: local lore researcher; family connections; monuments of old times; reference social circles; peasant question; scientific library; education.

Владимир Сергеевич Манассеин впервые заявил о себе как о краеведе Восточной Сибири статьей, посвященной юбилею Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества «Очерк исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет его существования». Она была издана в 1926 г. в сборнике ВСОРГО [8].

Хотя автору было тогда 48 лет, его можно было назвать начинающим сибирским краеведом. Однако анализ исторической деятельности отдела, проведенный им с позиций правоведа и историка, отличался такой научной зрелостью, что невозможно было поверить, что на протяжении 24 лет у В.С. Манассеина изданных работ не было. Даже если исключить 6 лет армейской службы в период Первой мировой и Гражданской войн, остаются 18 лет. Как же Владимир Сергеевич сохранил научную форму? Ведь предыдущая его статья «Крестьянский вопрос в Гродненской губернии в XIX ст.» вышла в Гродно в далеком 1902 г. [12, с. 24]. Автору было тогда 24 года.

Перерыв никак не сказался на научной ценности его работ, изданных в Иркутске и других городах, и авторитете среди научно-педагогического сообщества Иркутска, Сибири.

Громадный временной перерыв между публикациями Владимира Сергеевича ранее проходил мимо нашего внимания. Это объясняется тем, что обнаруженное в 2009 г. дело В.С. Манассеина (1929–1931) содержало столько ценных документов, что потребовалось несколько лет для анализа и создания монографии на их основе. Документы относились к недостаточно изученной эпохе чисток и сопротивлению им в крупнейших вузах Иркутска на примере трагедии одного из видных деятелей науки и образования [2]. После выхода монографии стало возможно перейти к следующему этапу работы.

Прежде всего, обнаруживаются немалые диспро-

[1]Соломон Евгений Шулимович, методист музея истории, тел.: 89149290754, e-mail: sosinskaya@mail.ru
Solomon Evgeniy, Resource Specialist of the Museum of History, tel.: 89149290754, e-mail: sosinskaya@mail.ru